

Спустя несколько дней лодка матушки Лю и её спутниц наконец вошла в пределы Янчжоу. Получив известие об их приближении, Линь Хай заблаговременно отправил слуг на пристань для встречи. Учтивость и предупредительность домашних господина Линя пришлись столичным гостям по душе; матушка Лю и её помощницы остались весьма довольны приёмом.

Пожилые наставницы имели придворные ранги, но не только это заставило хозяина дома проявить к ним особое почтение. В глубине души Линь Хая таились смутные, сокровенные мысли. Он и сам не понимал, чего желал больше: чтобы приезд этих женщин был как-то связан с тайными помыслами одного высокопоставленного человека, или же оставался чистой случайностью. Встреча лицом к лицу должна была наконец внести ясность. Рассудив так, господин Линь отложил дела и остался ждать гостей в усадьбе.

Гу И, устроивший всё это дело, разумеется, тоже ждал гостей вместе с ним. Однако его так и подмывало спросить, отчего у хозяина усадьбы с самого утра столь странный, отрешённый вид.

К счастью, томительное молчание длилось недолго: слуга торопливо доложил, что паланкины уже у главных ворот, и Линь Хай велел немедленно просить гостей войти. Когда в залу в сопровождении матушки Линь вошли пожилые женщины в строгих дворцовых нарядах, хозяин дома заволновался. В душе его всколыхнулось целое море противоречивых чувств. Хотя он и не видел предводительницу этой маленькой процессии много лет, её лицо всё ещё хранилось в его памяти.

В былые времена, когда князь Жуй покинул императорский дворец и обзавёлся собственной резиденцией, матушка Лю — верная служанка покойной императрицы — сама вызвалась последовать за ним, дабы обустроить его быт. Линь Хай, бывший тогда частым гостем в княжеском поместье, прекрасно знал управляющую внутренними покоями. И теперь он понимал: уговорить столь почтенную наставницу приехать в провинцию не мог никто другой, кроме самого князя Жуй.

подавив нахлынувшие воспоминания, Линь Хай напустил на себя невозмутимый вид и, словно видел гостью впервые, приветствовал её с безупречной чиновничьей вежливостью:

— Почтенные матушки, вы проделали нелёгкий путь и претерпели немало невзгод в дороге. Моя благодарность вам безгранична.

Матушка Лю, искушённая в дворцовом этикете, ответила столь же безупречной и мягкой улыбкой:

— Господин Линь излишне скромен. Мы прибыли сюда по высочайшему повелению и, разумеется, приложим все силы, дабы оправдать доверие.

Заметив, что хозяин дома держится ровно, она продолжила:

— Моё имя — Лю. Позвольте представить моих спутниц: матушка Янь, матушка Чжан и

матушка Ван. Все они — умудрённые опытом придворные дамы, когда-то преданно служившие принцессе. Вы можете полностью на нас положиться.

Остальные наставницы степенно поклонились, выказывая почтение.

— Матушка Лю шутит, у меня нет ни малейших сомнений на ваш счёт, — мягко ответил Линь Хай.

Он предпочёл пропустить колкость мимо ушей. Сейчас его заботило лишь одно: чтобы эти женщины со всем усердием обучали его ненаглядную Юй-эр. Остальное не имело значения — благо сам князь Жуй не явился к его порогу. А если когда-нибудь это и случится... что ж, тогда он и решит, как быть. В конце концов, даже будучи блестящим учёным-танхуа, перед хитросплетениями человеческих чувств он оставался бессилён.

Матушка Лю не стала упорствовать. Её главная задача заключалась в том, чтобы закрепиться в доме Линей и подготовить почву для своего юного господина, так что торопить события не стоило. Сменив тон, она приветливо спросила:

— Можем ли мы засвидетельствовать почтение молодой барышне Линь?

Линь Хай благосклонно кивнул:

— Секунду, почтенные матушки. — Он повернулся к слуге и распорядился: — Ступай и пригласи девицу Дайюй.

В просторной гостиной воцарилось неловкое молчание. Линь Хай неторопливо пригубливал чай, явно не желая поддерживать праздную беседу. Наставницы, ловя каждое движение матушки Лю, также хранили чинную тишину.

Гу И задумчиво переводил взгляд с одного на другую. Чутьё подсказывало ему, что здесь кроется какая-то тайна. Он и сам знал матушку Лю, и именно это знакомство порождало в нём недоумение. Ему было отлично известно, что некогда Линь Хай водил крепкую дружбу с князем Жуй. Отчего же теперь они с посланницей князя ведут себя так, словно едва знакомы, и ни словом не упоминают истинного покровителя этой поездки? Странно всё это, на редкость странно.

Матушка Лю тем временем украдкой разглядывала Линь Хая. В прежние годы слава об утончённой красоте и благородстве этого учёного-танхуа гремела на всю столицу. Когда он, триумфатор экзаменов, проезжал на коне по улицам, сколько девичьих сердец замирало от восторга! Время пощадило его: почтенный возраст не принёс с собой дряхлости, лишь наложил на чело отпечаток зрелой мудрости и величавого спокойствия.

«Неудивительно, что мой молодой господин все эти годы не мог его забыть, — подумала няня.

— Дай бог, чтобы теперь всё устроилось к лучшему».

Пока взрослые предавались раздумьям, маленькая Дайюй с самого утра томилась ожиданием в своих покоях. Ещё накануне отец предупредил её о прибытии грозных столичных наставниц. Поначалу девочку охватили робость и тревога, однако третий брат Сяо Чжиюань терпеливо и ласково всё ей разъяснил. Лишь после его слов Дайюй поняла: отец сотворил это из безграничной любви к ней. Боясь, что без материнского пригляда дочь останется без должного воспитания, он приложил неимоверные усилия и задействовал все связи, дабы пригласить лучших учительниц из самой столицы. Эта забота глубоко тронула девичье сердце.

Желая показать себя достойной дочерью рода Линь, Дайюй оделась чинно и аккуратно. Когда служанка доложила, что гости просят её выйти, девочка взволнованно повернулась к своей служанке Бань-ся:

— Погляди, всё ли на мне опрятно? Вдруг я покажусь им неряшливой?

Бань-ся, видя, как дрожат руки её барышни, ободряюще улыбнулась:

— Милая барышня, вы выглядите чудесно! И не стоит так переживать. Пусть эти наставницы и приехали из самого дворца, они не посмеют обидеть вас — ведь в усадьбе всем заправляет господин Линь. К тому же вы у нас такая ладная да пригожая, что ни одно сердце не устоит.

Дайюй шутливо надула губы и пригрозила:

— Вот уж нашла время смеяться надо мной, сестрица Бань-ся! Не стану больше с тобой разговаривать.

Колкость служанки, впрочем, помогла развеять страх. Успокоившись, девочка послушно последовала за матушкой Линь в парадную залу.

Едва слуга зычно объявил о приходе старшей барышни, матушка Лю устремила пристальный взор на двери. Она ни на миг не забывала о своей главной миссии. То, какой окажется юная девица Линь, имело решающее значение. Впрочем, даже если дитя окажется не обучено светским манерам, беды в том нет — девочка ещё мала, и усердная наставница быстро исправит любые изъяны. Но если её нрав уже чист и благороден, дело пойдёт куда быстрее.

Приглашённые дамы, сдерживая любопытство, обратили взоры на порог. В залу плавно, скользящим шагом вошла хрупкая девочка. Её наряд был прост и строг, как того требовал глубокий траур по матери, но сшит с отменным вкусом. В её облике не было ни капли провинциальной зажатости или неловкости.

Наставницы мысленно одобрили её появление: манеры барышни свидетельствовали о прекрасном домашнем воспитании. Огорчало лишь одно — болезненная бледность и

чрезмерная худоба ребёнка.

«Придётся приложить немало забот, дабы укрепить её слабое здоровье», — подумала каждая из них.

Дайюй совершила положенный поклон и поприветствовала гостей тихим, серебристым голосом. Несмотря на присутствие строгих столичных дам, её жесты оставались выверенными и плавными. Матушка Лю довольно прищурилась. Когда девочка склонилась перед ней в почтительном поклоне, няня ласково подхватила её под локти, не дав опуститься слишком низко:

— Барышня, к чему такие церемонии? Отныне мы станем вашей тенью и опорой, а среди своих излишняя строгость ни к чему.

Дайюй кротко улыбнулась:

— Вы проделали долгий путь из самой столицы ради меня. Было бы величайшей дерзостью с моей стороны лишить вас должного почтения. Я ещё глупа и молода, а потому умоляю почтенных матушек направлять меня и указывать на мои промахи.

— Мы сделаем всё, что в наших силах, — растроганно отозвалась матушка Лю.

Наблюдая за этой сценой, Линь Хай окончательно успокоился. Годы разлуки не стёрли его понимания характера того человека: если князь брался за дело, всё устраивалось наилучшим образом.

— Ну вот и славно, — с облегчением произнёс отец. — Юй-эр, впредь лови каждое слово наставниц. — Затем он повернулся к матушке Лю: — Доверяю вам моё сокровище. Вы утомлены дорогой, а посему предлагаю отложить разговоры. Для вас уже подготовлены покои, слуги проводят вас на отдых.

Матушка Лю поднялась и склонилась в благодарственном жесте:

— Благодарим за заботу, господин Линь. Однако мы прибыли сюда не ради праздного отдыха, а дабы нести службу. Наставницам по этикету надлежит жить в одном крыле со своей подопечной, дабы ежечасно следить за её поведением. Просим вас поселить нас поближе к молодой барышне.

Линь Хай замялся. Он помнил, что эти женщины — не простые служанки, а заслуженные придворные чины, и селить их в тесных девичьих покоях казалось ему непочтительным. Заметив его колебания, матушка Лю мягко добавила:

— Не тревожьтесь, господин Линь. Какими бы милостями ни осыпали нас во дворце, здесь мы

лишь учительницы вашей дочери и не станем кичиться своим положением. Распоряжайтесь нами по своему усмотрению.

Раз уж она сама заговорила об этом, Линь Хай не стал спорить:

— Покои, в которых Юй-эр обитает сейчас, действительно тесноваты для вас всех. На днях мы переведём её в более просторный двор, тогда и обустроим ваш общий быт. Согласны ли вы подождать немного?

Матушка Лю благосклонно согласилась, после чего гости удалились вслед за матушкой Линь в отведённое для временного отдыха крыло.

До недавнего времени за порядком в покоях Дайюй следила её кормилица, матушка Ван. Покойная госпожа Цзя Минь при жизни выбрала эту женщину за кроткий и исполнительный нрав. Пока хозяйка усадьбы была жива и лично руководила прислугой, всё шло гладко. Однако во время долгой и тяжёлой болезни госпожи Цзя Минь матушка Ван растерялась и упустила бразды правления. Заметив беспорядок в девичьих комнатах, Линь Хай рассудил, что кормилице пора на покой, и отправил её на заслуженный отдых.

С тех пор пригляд за покоями Дайюй возложили на плечи матушки Линь и матушки Чжан. Но обе они уже вели обширные дела внутреннего двора всей усадьбы Линеи, и времени на маленькую барышню им катастрофически не хватало. Даже расторопные старшие служанки не могли заменить опытную хозяйку, из-за чего в комнатах Дайюй порой царил кавардак. Неудивительно, что весть о прибытии строгих столичных наставниц матушка Линь и матушка Чжан встретили с нескрываемым облегчением.

Уже на следующее утро они передали ведение всех дел в покоях барышни новоприбывшим гостям. Столичные наставницы без лишних церемоний взялись за свои обязанности. Поскольку переезд Дайюй в новый двор ещё не состоялся, они пока лишь молча наблюдали за слугами девицы Линь, приглядываясь к их привычкам и характерам.

Ждать пришлось недолго: спустя три дня Линь Хай объявил, что новые покои для дочери готовы. Старый дворик Дайюй примыкал к главному дому и был совсем крошечным. Покойная мать поселила её туда лишь для того, чтобы всегда держать малышку под боком. Цзя Минь мечтала, что, когда дочь подрастёт, они выберут для неё просторный и светлый терем, но безжалостная судьба лишила её этой возможности.

Хотя усадьба Линеи уступала размерами столичным дворцам, в ней жило совсем немного людей, а потому Линь Хай мог ни в чём не отказывать своей любимице. Выбор пал на Двор Вечернего Ветра. Пусть он и не был самым просторным в усадьбе, изяществом своего убранства он превосходил любые другие покои. Окна выходили на тихий пруд, у кромки которого шелестели тонкими стеблями молодые изумрудные бамбуки. Вкусы отца и дочери на редкость совпадали.

Обустроив всё внутри, Линь Хай выбрал наиболее благоприятный по календарю день, и Дайюй

торжественно перебралась во Двор Вечернего Ветра.

К этому времени наставницы уже полностью разобрались в том, как устроена жизнь молодой хозяйки. Матушка Лю созвала совет и строго распределила обязанности между спутницами. Матушке Янь поручили воспитание служанок и надзор за дисциплиной во дворе. Матушка Чжан, сведущая в траволечении и искусстве врачевания, взяла под опеку хрупкое здоровье Дайюй. Матушке Ван, некогда бывшей наставницей по этикету принцесс, доверили преподавание изящных манер и словесности самой барышне. Себя же матушка Лю назначила главной распорядительницей.

Покончив с внутренним распорядком, она незамедлительно явилась к Линь Хаю с докладом: по её мнению, штат личных слуг Дайюй требовал немедленного пополнения и строгого переустройства. Дело было вовсе не в нехватке рук, а в том, что в глазах требовательной столичной дамы свита барышни из столь знатного рода выглядела неорганизованной толпой. Матушка Лю полагала, что истинная благородная девица при каждом шаге должна быть окружена целым сонмом служанок, где у каждой — своя строго определённая роль, тогда как у Дайюй прислуга металась без всякого порядка.

Линь Хай не стал возражать и дал наставнице полную свободу действий.

Вскоре у Дайюй появились четыре старшие служанки первого ранга: Бань-ся, Сицю, Сичжао и Сюэчжань. Из них лишь Сюэчжань была новой; остальные три прежде прислуживали покойной госпоже Цзя Минь. Все они уже вошли в пору зрелости, и через несколько лет их надлежало выдать замуж и отпустить из усадьбы.

Ранг служанок второго класса получили четыре молодые девушки: Сюэянь, Сянлин, Сянхуэй и Сянсюэ.

Им в помощь определили восемь младших служанок третьего ранга: Сулань, Сучжу, Суцзю, Сусюэ, Сушуан, Суюй, Сулу и Сусинь.

Помимо расширения штата, матушки навели строжайший порядок в девичьих покоях. Каждой служанке вменили в обязанность конкретное дело. Младшие девушки второго и третьего рангов беспрекословно подчинялись старшим помощницам. Стоило кому-то допустить малейшую оплошность, как виновницу вычисляли в то же мгновение. Очень скоро во Дворе Вечернего Ветра воцарились безупречная чистота и тишина. Матушка Линь и матушка Чжан, приходя проведать подопечную, лишь диву давались: столичная выучка преображала усадьбу на глазах.

Служанки вели себя тише воды, ниже травы. Дворцовые наставницы никогда не повышали голоса и не опускались до грубой брани, однако одного их ледяного взгляда хватало, чтобы у провинившихся подгибались колени. Физических наказаний здесь не применяли, но придуманные матушками епитимии пугали девчонок куда больше банальных розог.

Сама Дайюй не почувствовала резких перемен. Рядом с ней остались те же знакомые лица,

исчезла лишь прежняя праздность и суета. Пожалуй, новый порядок пришёлся ей по душе: отныне любое её желание предугадывалось слугами ещё до того, как она успевала его высказать. Строгие правила приличия не пугали девочку — в семье потомственных аристократов манерам учили с пелёнок, теперь же её знания просто привели в соответствие со строгим столичным канонам.

Настоящее же неудобство и досаду новые порядки принесли совсем другому человеку...

<http://bllate.org/book/18189/1752949>